Возврат к сферам влияния?

Пол Хансбери

Основополагающий акт Россия-НАТО (1997 г.) предусматривал создание «общего пространства безопасности и стабильности без разделительных линий или сфер влияния, ограничивающих суверенитет любого государства». Это обращение к сферам влияния в Европе (и на постсоветском пространстве в целом) неизбежно вызывает в памяти период «холодной войны». В то же время существенная зависимость многих государств в ту эпоху, пожалуй, сделала эти сферы нетипичными. В любом случае, сам термин неточен.

С самого момента принятия Основополагающий акт воспринимался как упущенный НАТО и Россией шанс. Возможно, по причине его нереалистичности. Призрак борьбы за сферы влияния никуда не делся после окончания «холодной войны». Напротив, представляется, что сферы (или прерогативы) влияния крупных держав были более или менее определены, и вопрос касался только проблемных областей (или масштабов) влияния. Таким образом, расширение НАТО в 2004 году, скорее всего, представляло собой заключительную знаменательную стадию закрепления изменений, произошедших после окончания «холодной войны». Рассматривая соотношение сил на постсоветском пространстве, я исхожу из определения сферы влияния как региона, в котором имеется примат или гегемония внешнего государства или силы.

Призрак сфер влияния

Неудивительно, что все государства отрицают стремление обозначить сферы своего влияния, поскольку сам термин влечет за собой рассуждения о несправедливости. Слабый обречен на страдания. При этом все могущественные государства стремятся оказывать влияние на другие политические субъекты, и, несомненно, каждое государство хотело бы в чем-то превосходить другие. По крайней мере, и Россия, и страны Европейского союза (ЕС) заявляли о своих интересах в Восточной Европе.

С 1991 года в российской официальной риторике используются выражения, близкие по смыслу к термину «сферы влияния». В 1993 году Борис Ельцин говорил об «особых полномочиях России … в бывших регионах СССР». После войны в Грузии Дмитрий Медведев упомянул «зону привилегированных интересов» России. Конечно, интересы не тождественны влиянию, но едва ли какое-либо государство может заявить о своих привилегированных интересах, при этом отказавшись от претензий на влияние.

Точно так же утверждение, что страны ЕС не имеют подобных амбиций по отношению к своим соседям, было бы неискренним. Общим фактором в спорах о причинах войны в Украине, в конечном счете, называют Соглашение об ассоциации с ЕС, и влияние в этом случае оказывалось посредством поставленных условий. «Восточное партнерство» стремится к внедрению конкретной модели развития в странах-участницах. ЕС утверждает, что эта инициатива не является сферой влияния, поскольку она основывается на принципе согласия или, выражаясь словами учредительной декларации саммита «Восточного партнерства», «общих правах и обязанностях». Однако согласие могло присутствовать и при разделе сфер влияния в эпоху «холодной войны», даже если речь шла о вынужденном согласии (в таких случаях часто используется уничижительный термин «финляндизация»).

Во времена «холодной войны» ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты официально не соглашались на разделение на сферы влияния. На самом деле, по утверждению Пола Кила (1984 г.), сферы влияния в условиях «холодной войны» устанавливались на основе прецедента и расчета. Такой прецедент мог довольно скоро возникнуть после 1991 года. В 1994 году в Совете Безопасности ООН Россия одобрила военную интервенцию США в Гаити. В ответ США, очевидно, согласились на вмешательство России в дела Абхазии. Впоследствии американские официальные лица неоднократно отвергали возможность признания российской сферы влияния на постсоветском пространстве.

Бездействие США

Важны действия, а не слова. Действия и, что немаловажно, бездействие указывают на то, что США (мы еще вернемся к ЕС) признали факт наличия сферы российского влияния в том смысле, что существуют некоторые государства, входящие в эту сферу. Для лучшего понимания имеет смысл взглянуть на то, что оставалось неизменным в понятии сферы влияния в разные эпохи. Влияние, прежде всего, характеризовалось исключительным правом военного вмешательства. Доктрина

Монро таким образом использовалась для оправдания интервенций в Латинской Америке, сферы влияния якобы легитимизировали как американские, так и советские интервенции в период «холодной войны».

В своем выступлении на Мюнхенской конференции по безопасности в 2009 году вице-президент США Джо Байден заявил: «Мы не признаем наличия сферы влияния какого-либо государства». Тогда он имел в виду признание суверенитета Абхазии и Южной Осетии. Соединенные Штаты могли предпринять какие-либо действия (вплоть до военного вмешательства) в поддержку грузинского правительства, но предпочли воздержаться. Несмотря на протесты США против действий России на различных международных площадках, отказ от вариантов военного вмешательства фактически означал, что Грузия находится вне сферы влияния США.

Более того, Соединенные Штаты отказались от предоставления военной помощи Украине. Посредством политики санкций США оспаривают масштаб сферы влияния России, но не саму ее прерогативу. Подобным образом США поступили и в 1956 году, добиваясь осуждения действий СССР в Венгрии в рамках резолюций ООН, вместо прямого вмешательства в поддержку правительства Имре Надя. Поэтому, если Трамп решит признать российскую сферу влияния, явно или неявно, мало что можно будет сделать.

Однако, как уже отмечалось, согласие между Россией и Соединенными Штатами – это еще не все. Анализ возможностей «западных» акторов зависит от того, рассматриваем ли мы НАТО и ЕС как единое целое или как сообщества различных игроков. Как бы сложно ни было представить Европейский союз в качестве автономного индивидуального актора, но, в любом случае, он является влиятельной силой, и Соединенные Штаты это признают.

Вопрос исключительного права

Причина отсутствия у Европейского союза сфер влияния не в позиции потенциальных объектов таких сфер. Дело скорее в том, что страны-члены ЕС не обладают возможностями или политической волей для успешного военного вмешательства и отстаивания своих интересов. «Восточное партнерство» позволило оценить масштаб влияния и степень возможного пересечения влияния государств ЕС, но оно никак не уменьшило российскую гегемонию в странах-партнерах.

Даже в эпоху двухполюсного мира времен «холодной войны» сферы влияния не были полностью эксклюзивными. Существовали области нечеткого разграничения. Исландия могла попасть в американскую сферу влияния в качестве члена НАТО, но все же подписать торговое соглашение с СССР. Масштабы влияния, то есть законное право решать проблему посредством внешнего вмешательства, менялись в разные эпохи. Действующая экономическая доктрина всегда являлась значимым фактором независимо от того, имеются ли в виду доколониальные европейские сферы влияния в Африке или соперничество между капитализмом и социализмом.

Сферы влияния, несомненно, ограничивают суверенитет объектов влияния. Последние могут смириться с таким положением, потому что, несмотря на заявления о суверенном равенстве, они признают иерархическую структуру миропорядка. Однако чем выше степень исключительности сферы влияния, тем более несправедливой она является для объекта влияния, и гегемония фактически перерастает в доминирование. И все же сфера влияния не может означать доминирования внешней силы, иначе это лишит термин «сфера влияния» отличительного содержания. Вместо этого существовали бы протектораты или колонии, полностью лишенные какой-либо автономии.

Пол Хансбери
докторант Колледжа Святого Антония, Оксфордский Университет (Великобритания)